

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(575.2)+39

ББК 63.3 (5Кир)+63.521(=632)-32

Некоторые аспекты формирования башкирской диаспоры Киргизии в дореволюционный период

Т.М. Аюпов

Алтайский государственный медицинский университет (Барнаул, Россия)

Some Aspects of the Formation of the Bashkir Diaspora of Kyrgyzstan in the Pre-revolutionary Period

Т.М. Аюпов

Altai State Medical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена основным тенденциям развития башкир — этнической группы, проживавшей на территории современной Киргизии в дооктябрьский период. На формирование диаспоры повлияли самые разные факторы: религиозная, культурная и языковая общность с местным населением, интенсивность торговых отношений, особенности переселенческой политики царской России. В работе приводятся сведения о причинах прибытия башкир в Киргизию, местах расселения и численности, об их хозяйственной деятельности. В то же время выявлено наличие некоторых ассимиляционных процессов. Ценными источниками при написании статьи явились результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., архивные документы, мемуары очевидцев тех событий, а также материалы периодической печати. На конкретных примерах отмечается прогрессивная роль и широкое влияние башкирских просветителей-джадидов на систему образования в крае. Просветители на собственные средства строили мечети, школы-mektebe и медресе, в которых в основном обучались дети кочевников-киргизов. Автор делает предположение, что формирование диаспоры началось еще до присоединения региона к Российской империи, однако наука не располагает данными о численности населения исследуемой этнической группы на тот момент.

Ключевые слова: башкирская диаспора, Киргизия, дореволюционный период, демография, торговые отношения, просветительство, восстание 1916 г., развитие пчеловодства.

The article is devoted to the main trends in the development of the Bashkir ethnic group that lived on the territory of modern Kyrgyzstan in the pre-October period. The formation of the diaspora was influenced by a variety of factors: religious, cultural and linguistic community with the local population, the intensity of trade relations, and the peculiarities of the migration policy of tsarist Russia. The paper provides information about the reasons for the arrival of the Bashkirs, the places of settlement and the number, and their economic activities. At the same time, the presence of some assimilation processes was revealed. Valuable sources were the results of the 1897 census, archival documents, memoirs of eyewitnesses of those events, as well as periodical materials. As concrete examples, the progressive role and wide influence of the Bashkir Enlighteners-Jadid on the educational system in the region is noted. They built mosques, mektebe schools and madrasahs with their own funds, the main contingent of which were children of nomad Kyrgyz. The author makes the assumption that all of these relations began to take shape even before the region joined the Russian Empire. However, science does not have data on the population at that time.

Key words: Bashkir diaspora, Kyrgyzstan, pre-revolutionary period, demography, trade relations, enlightenment, uprising of 1916, development of beekeeping.

DOI 10.14258/izvasu(2019)2-01

Проблема исследования этнических диаспор в последние десятилетия приобрела особую остроту в связи с массовыми этническими миграциями, процессами глобализации, интенсификацией связей между группами мигрантов, актуализацией этничности и другими процессами, характерными для современности. С конца 1980-х гг. в СССР стало оформляться отдельное исследовательское направление, специально занимающееся проблемой диаспорального развития этнических общностей. Отличительной чертой этого направления является его междисциплинарный характер. Исследованием проблем диаспор занимается не только историческая наука, но и такие науки, как этнология, демография, этнопсихология, культурология. Все эти научные сферы изучают этносы при помощи своих методов и средств, выделяя конкретный объект — определенную диаспору. Поэтому спектр исследований диаспор очень широк, а оценки данного феномена неоднозначны.

Диаспорология анализирует все данные, которыми располагают названные отрасли науки, и формирует целостную систему научных знаний об этносе, живущем вне своей исторической родины. К числу основных данных относят исторические факты и события, свидетельствующие о причинах формирования диаспоры и ее периодах, сведения о культуре диаспоры, традициях, жизнедеятельности, цифровые характеристики численности, половозрастного, профессионального состава диаспоры и др.

Среди стран и регионов, где сконцентрирована основная масса «заграничных» башкир, особое место занимает Центральная Азия, на территории которой к моменту распада Советского Союза проживала вторая по численности группа башкирского этноса. Из примерно 150 тысяч этнических башкир, оказавшихся за пределами России, свыше 92 тысяч проживали в Казахстане и республиках Средней Азии [1, с. 88]. Правда, все последующие годы их количество в регионе по ряду причин неуклонно сокращалось. К примеру, в Киргизии по переписи 2009 г. оставалось всего 1,1 тысячи лиц башкирской национальности [2, с. 90]. Но и здесь, несмотря на свою малочисленность, башкирская диаспора представляет большой интерес, поскольку близка по языку, традициям, культуре, религии к коренному этносу — киргизам, и в то же время она сыграла определенную роль в приобщении населения республики к ценностям европейской цивилизации.

В Киргизии диаспоральные этнические группы стали объектом исследований в постсоветский период. Так, за последнее время появились исследования, посвященные изучению диаспор русских, белорусов, евреев, дунган, корейцев, карачаевцев, балкарцев, таджиков, народов Центральной Европы. Одним из первых фундаментальных трудов по истории та-

тар и башкир Киргизии является работа А.П. Яркова [3]. В ней автор на основе глубокого научного анализа показывает время и основные причины их переселения на территорию страны. Исследователь справедливо отмечает, что «переселение башкир в Кыргызстан происходило зачастую одновременно с татарами, здесь они занимали ту же самую социально-экономическую нишу, что и татары. В результате этого этнокультурное поле двух народов было общим, что и позволяет рассматривать дальнейшие события через призму единой судьбы татар и башкир в Кыргызстане» [3, с. 7–8].

Действительно, татары и башкиры, как правило, селились вместе, образуя особые «татарские» слободы (махали). Такое поселение татар и башкир в XIX — начале XX в. находилось в черте Пишпека и представляло собой целый архитектурный комплекс: мечеть с айваном, школа-мектебе, красивые дома купцов. Улица, проходившая вдоль квартала, также получила название Татарская [4, с. 80]. Вместе с тем имеются особенности социокультурного и этнодемографического развития башкир республики.

Башкирская диаспора Киргизии появилась в результате комплекса причин, как политического, так и экономического характера. Она неоднородна, потому что формировалась длительное время и при различных обстоятельствах. Этот процесс можно условно разделить на два этапа: 1) после присоединения к России; 2) в годы советской власти. В данной работе нами поставлена цель рассмотреть вопросы формирования башкирской диаспоры в республике на первом этапе.

Большой вклад в изучение демографии населения Туркестана до Октябрьской революции внесли советские исследователи Н.Е. Бекмаханова [5] и С.С. Губаева [6]. Ими был проведен анализ количественного роста населения региона, а также его этнического состава. Одним из главных и обобщающих статистических источников этого периода является свод Первой всеобщей переписи населения Российской империи по областям Туркестанского генерал-губернаторства. По ее данным, в 1897 г. по всей Киргизии насчитывалось не так много башкир: в Пишпекском уезде 25 человек, в Пржевальском — 32 человека [7, с. 147]. Из них абсолютное большинство (почти 95%) составляли мужчины.

Однако данная перепись имела и определенные недочеты: этническую принадлежность определяли по языку, что значительно усложняло статистику, особенно в условиях, когда около трети башкир давно перешла на татарский язык. Более того, определенная погрешность была связана с изменением политики российского правительства в отношении башкир в регионе. Дело в том, что согласно статье 262 Положения об управлении Туркестанским краем от 1886 г. татары, башкиры, евреи как «не христи-

ане» и «инородцы» (т.е. не принадлежавшие к местному населению) были лишены права приобретать в Туркестане землю и иметь недвижимость [6, с. 112]. Со временем ограничения стали ощущать даже те лица, которые поселились в крае еще до присоединения к России. Поэтому некоторые предприимчивые люди, приехав в Семиречье, женились на местных девушках и в основном брали казахские или киргизские фамилии [8, с. 465], а значит, могли скрывать свою истинную этническую принадлежность.

Уже в XVI–XVII вв. установились прочные связи Средней Азии с Россией. Торговлей были связаны Поволжье, Приуралье и Западная Сибирь. Как свидетельствуют различные источники, в Среднюю Азию из Башкирии вывозили ловчих птиц, а также пастилу, которую делали из ягод земляники и калины [9, с. 163, 169]. Благодаря дальнейшему развитию торговых отношений в XVIII в. налаживаются еще более тесные контакты с башкирами. Единство вероисповедания и близость языков облегчали торговые сделки и начавшуюся культурную интеграцию. Весьма вероятно, что первые башкиры стали селиться среди киргизов еще задолго до присоединения края к России. Такие переселенцы старались строить свои дома вблизи крупных ярмарочных центров, вдоль торговых трактов. Так, за Караколом (позже — Пржевальск) купцов со всего света собирала Каркаринская ярмарка, которая обычно начиналась в мае и длилась до конца августа. Со временем она уступила свое торговое значение Пишпекской ярмарке, ставшей с 1906 г. ежегодной [4, с. 52–53]. На наш взгляд, именно этим фактором обусловлена первоначальная локализация башкир в северо-восточной части Киргизии.

Здесь впоследствии на свет появились несколько известных представителей диаспоры. В Пржевальске 7 мая 1931 г. родилась будущая народная артистка Башкирской АССР, исполнительница башкирских протяжных песен (*озон кой*) Раиса Галимуллина [10, с. 222]. Там же в 1934 г. в семье профессионального разведчика родился известный педагог и писатель Рэм Музипов, автор нескольких исторических романов. В частности, его книга «В ауле Баязита» представляет собой очерки по истории Башкирии XIX–XX в.

В последней четверти XIX — начале XX в. башкиры в Киргизии были в основном религиозными деятелями, торговцами, наемными рабочими. Особое место по своему статусу всегда занимали врачи и учителя.

Наиболее широко известна просветительская роль татар и башкир в обширном центральноазиатском регионе Российской империи. Под воздействием джадидских идей татарских и башкирских просветителей в конце XIX в. возникают первые новометодные школы в киргизских уездах. В 1882 г.,

к примеру, школа-мектебе для мальчиков появилась в Пишпекке. По документам инспекции народных училищ Семиреченской области, в пишпекском мектебе арабский язык и Закон Божий преподавал башкир из Уфимской губернии Мирсаид Рахимов, учившийся в стерлитамакском медресе [3, с. 56]. Наряду с предметами духовно-религиозного характера там преподавались светские предметы: арифметика, алгебра, геометрия, физика, анатомия, история и география.

По той же программе в 1906 г. родительским комитетом «Ижтихад» в Пишпекке открылась женская мусульманская школа. Учителя для нее были также приглашены из Уфы, Оренбурга и Казани [11, л. 53]. Некоторое время в этой школе занятия по географии и природоведению вел выпускник уфимского медресе «Галия» Г. Рафики, немало сделавший в плане просвещения киргизского населения.

Гали Рафики (Рафиков) — незаслуженно забытый башкирский писатель и ученый-просветитель. Он родился в д. Баязитово Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне Миякинский район Республики Башкортостан) и окончил начальную мусульманскую школу. В 1905 г. переехал в Казань, где стал шакирдом медресе «Мухаммадия». Затем продолжил учебу в медресе «Галия». Еще там у Рафики возник интерес к туркестанскому краю. В стенах «Галии» он стал дружить с киргизским шакирдом Мамбеталы, от которого узнал о гостеприимном и смелом народе, живущем в горах Тянь-Шаня. Вскоре по совету руководства медресе Г. Рафики выехал в Туркестан. Находясь в Киргизии, Рафики не ограничивается только педагогической деятельностью. Учитель-энтузиаст много бывал в окрестностях Пишпекки, добросовестно изучая быт и культуру киргизов [12, с. 141]. Рождаются у него замыслы первых очерков и рассказов об этом красивом крае, его гостеприимном народе.

Автор с большим знанием и любовью описывает достопримечательности киргизской земли: запоминаются страницы об Иссык-Ате, арашанском источнике. Свежо описаны им Пишпек, горы Тянь-Шаня в рассказе «Сочетание». Его рассказы «На склонах Ала-Тоо» («*Алатау буйларында*») и «Временный брак» («*Вақытлы никах*») посвящены критике старых обычаев и нравов, обрекавших мусульманских женщин на бесправие, а влюбленных — на трагедию.

Но самым крупным в Киргизии новометодным мектебе являлась «Икбалия» («Прогресс») в Токмаке. В нем работали 8 учителей, татар и башкир по национальности, приехавших из городов Поволжья и Урала [13, с. 242]. Мектебе «Икбалия» постепенно сделалось как бы главным центром подготовки учителей для школ всей Северной Киргизии.

В 1909 г. по инициативе манапа рода сарыбагыш Шабдан-батыра в с. Чон-Кемин тоже построили

новометодную школу, где обучались 150 киргизских детей по самой передовой по тем временам методике [14]. Учителями в ней были настоящие профессионалы из числа татар и башкир, специально приглашенные из Уфы и Оренбурга.

Правда, известны и факты, когда местные башкиры получали образование уже в туркестанских учебных заведениях. Согласно сообщению Верненской учительской семинарии, функционировавшей в составе двух классов, в ее стенах в 1914 г. обучался 41 воспитанник. Из них четверо учащихся мусульманского вероисповедания, в том числе один башкир [15, с. 494–495].

В целом татары и башкиры были непропорционально широко представлены среди учителей в Киргизии, в том числе среди преподавателей в женских учебных заведениях. В связи с этим некоторые языковеды даже само почтительное обращение у киргизов к учителю «агай» соотносят с башкирским языком [16, с. 94]. Этот термин можно считать общепашкирским. Он используется как для обозначения кровного родства — старших братьев, дядей, так и в качестве уважительного обращения ко всем мужчинам старшего возраста [17, с. 105].

После 1910 г. разрешения на открытие новометодного учебного заведения в Оше добился просветитель, общественный деятель и путешественник Фазылбек Касымбеков [18, с. 263]. Однако помещения для школы не нашлось, поэтому учитель вынужден был проводить уроки с учащимися у себя дома. В 1913 г. в ходе археографической экспедиции дом Ф. Касымбекова посетил молодой башкирский исследователь А.-З. Валидов, оставивший воспоминания о хранившихся там «Тарих-и Шахрухи», «Тимурнаме», «Тарих-и Бадахшан» и других редких книгах [19, с. 94]. Валидов был тесно связан с джадидами Самарканда и Ферганы. На них большое впечатление произвели его глубокие знания тюркской истории.

То, что А.-З. Валидов побывал в Оше, закономерно. Древний Ош занимал выгодное географическое положение, важное во многих отношениях. Он стоял на большом торговом пути, имевшем международное значение. Через него шли вереницы транзитных купеческих караванов, отправлявшихся из Туркестанского края, Бухары, Хивы в Кашгарию, Тибет, Индию, а также следующих в обратном направлении. Значительной популярностью Ош пользовался у верующих мусульман благодаря священной Сулейман-горе, находящейся в центре города. Надо заметить, что А.-З. Валидов, возможно, был первым башкиром, побывавшим в Оше. Даже спустя более 20 лет после присоединения южной части Киргизии к России (1897 г.) среди жителей города башкир зафиксировано не было.

Переселение башкир на юг Киргизии было связано с началом освоения угольных месторождений Кызыл-Кии и Сулюкты. В этот период сюда устрем-

ляются наемные рабочие, которые в большей степени были заняты в угольной промышленности. В январе 1907 г. над Сулюктинскими копиями, близ станции Черняево (ныне Хаваст), башкира верхом на лошади запечатлел известный русский фотограф С.М. Прокудин-Горский [20], который изобрел свой оригинальный метод создания цветных фотографий. Тогда он в первый раз отправился в Туркестан для фотографирования солнечного затмения в горах Алая. Эта фотография, как и все сохранившиеся снимки Прокудина, сейчас хранятся в библиотеке Конгресса США.

Еще одним социальным источником формирования башкирского населения Киргизии стали отставные солдаты, низшие и средние офицерские чины, а также инвалиды, пожелавшие по личным мотивам остаться здесь на постоянное жительство после ухода с обязательной воинской службы. Эта группа поселенцев складывалась из бывших военнослужащих регулярных войск, которых царская администрация расквартировала в городах и по форпостам всей пограничной линии.

Тесные контакты военнослужащих с местным населением иногда приводили к неожиданным эксцессам. Примечательно, что в ходе исследования роли народностей Семиречья в национально-освободительном движении начала XX в. были выявлены неизвестные ранее факты участия башкир в восстании 1916 г. Когда в августе 1916 г. более двух тысяч повстанцев напали на отряд Пишпекского отделения конного запаса в Чолпон-Ате, на сторону восставших перешел рядовой Файзи-Ахмет Бикбаев, башкир по национальности [21, с. 16]. По предложению повстанцев он даже стал командиром одного из крупных отрядов. Вскоре восстание все же было жестоко подавлено царскими войсками [22]. Но это событие не прошло мимо внимания писателей в самой Башкирии. Один из классиков башкирской литературы М. Гафури смело осудил действия царских карателей в своих стихотворениях «Видно нет тебя, Аллах», «Рыдания» и др. [12, с. 88]. Опубликованные в московской газете «Сюз» («Слово»), они вызвали поистине небывалый резонанс.

Под влиянием переселенцев из России прогрессивные изменения стали быстро происходить в укладе жизни, быту и хозяйстве местного населения. Так, например, в Киргизии получило развитие пчеловодство. Как писал известный инженер-гидростроитель В.А. Васильев, «единственное, что привезли нового с собой переселенцы, кроме стальных лемехов, так это еще и пасеки» [4, с. 44]. И в этом занятии особенно богатым опытом обладали башкиры.

Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что башкиры с древнейших времен занимались бортевым пчеловодством, которое было самым доходным и распространенным промыслом, не уступавшим скотоводству. «В числе лучших имуществ сего народа, — писал П.И. Рычков, ученый-географ XVIII в., — может быть содержание пчел, которы-

ми они изобилуют. Сей род прибыточный экономии исправляют они с таким искусством и расчетом, что едва ли сыщется такой народ, который бы мог их превзойти в пчелиных промыслах» (цит. по: [23, с. 30]). Были попытки связать даже название народа с тюркскими словами «баш» — голова и «курт» — пчела, в смысле «хозяин пчел, главный пчеловод». Одной из причин заинтересованности местного населения в пчеловодстве являлось также то, что мёд и воск, как и пушнина, служили не только продуктом сбыта, но и платой за право пользования землей. Этот налог взимался с башкир после присоединения к Русскому государству. Поэтому неудивительно, что и в Пишпекском уезде пионерами пчеловодства значатся М. Абдушахметов и Х. Фазлуллин. К примеру, Хамидула Фазлуллин со своей пасекой приехал из далекой Вятской губернии [4, с. 44].

К тому же развитию пчеловодства в Киргизии способствовали богатые природные условия края. Этому благоприятствовали девственные леса и обильные горные луга, богатые разнообразной медоносной растительностью. Со временем мёд и воск стали основными продуктами вывоза из уезда, а герб Пишпека украсили изображения тружениц-пчел.

Таким образом, уже к 1917 г. в Киргизии сложились диаспоры некоторых коренных народов России, в том числе башкир, отличавшихся высоким уровнем культуры и большой миграционной мобильностью. Северная часть республики осваивалась ими раньше, чем южная. В основном они прибывали сюда через территорию Казахстана. В последующие десятилетия с возрастанием их численности эти этнические группы стали играть еще более заметную роль в экономической и социально-культурной жизни региона.

Библиографический список

1. Башкиры в начале XXI века : статистический сборник. Уфа, 2008.
2. Основные социально-демографические характеристики населения и количество жилищных единиц. Бишкек, 2009. Кн. 1.
3. Ярков А.П. Татары и башкиры в Кыргызстане: историко-культурный портрет. Бишкек, 1996. Ч. I.
4. Петров В.Г. Пишпек исчезающий (1825–1926). Бишкек, 2008.
5. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в. М., 1980.
6. Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. LXXXV : Семиреченская область. СПб., 1905.
8. Кармышева Г.Ш. К истории татарской интеллигенции (1890–1930-е годы) : мемуары / сост. Б.Х. Кармышева. М., 2004.
9. Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко. М., 2016.
10. Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996.
11. Центральный государственный архив Киргизской Республики. Ф. 653. Оп. 1. Д. 27.
12. Мамытов С.А. Кыргызско-татарские литературные связи второй половины XIX–XX веков. Бишкек, 1999.
13. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1986. Т. 2.
14. Сапаралиев Д.Б. Он был востребован эпохой // Слово Кыргызстана. 1999. 20 авг.
15. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : документы и извлечения. Барнаул, 2014.
16. Ахмерова Р.М., Мурадымов Н.М. Вовсе нельзя нашу дружбу разбить // Татары в истории Киргизии. Прошлое и современность : материалы Межд. науч.-практ. конф. Бишкек, 2010.
17. Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981.
18. Ошская область : энциклопедия. Фрунзе, 1987.
19. Умурзаков С. С четырех сторон горизонта: очерки по истории географических исследований Киргизии. Фрунзе, 1983.
20. Открытый исследовательский проект «Наследие С.М. Прокудина-Горского» [Электронный ресурс]. URL: // <http://prokudin-gorskiy.ru/image.php?ID=1438> (дата обращения: 2.01.2019).
21. Омурбеков Т.Н. Участие народностей Семиречья в национально-освободительном движении в начале XX в. (1900–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1986.
22. Lysenko Yu.A., Demchik E.V., Anisimova I.V. and others. Modernization and Traditionalism through the Prism of the Events of the 1916 Rebellion in Central Asian Border Regions of Russia // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43, Is. 1.
23. Петров Е.М. Из истории пчеловодства Башкирии // Пчеловодство. 1976. №11.